

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

НИ. ЛОВЦОВА, Е.Р. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА

Рождаемость на уровне простого воспроизводства (или ниже) сегодня характерна для 64 стран, население которых составляет 44 % человечества, причем во многих из этих государств демографические показатели остаются стабильно низкими в течение ряда десятилетий, что и определяет акцент на мерах, направленных на повышение рождаемости.

В этой статье демографическая ситуация рассматривается как социальная проблема; обсуждаются мотивы, результаты и ограничения проводящейся демографической политики; а также мнения представителей различных социальных групп о политике в области народонаселения.

Вехи становления демографической политики государства

Исследования ряда историков, культурологов и социологов доказали высокую степень воздействия политической власти на сексуальную жизнь, женскую репродуктивную сферу, а также на практики материнства в большинстве индустриальных стран мира [Черняева 2004, с. 120]. И хотя попытки стабилизировать или повысить уровень рождаемости путем поощрения брака и укрепления семьи были известны еще в древних цивилизациях, однако воспроизводство долгое время считалось естественным явлением — чем-то, что неподвластно государственному контролю или научному менеджменту. Но когда общество стало рассматриваться как объект изучения, формирования и улучшения, репродукция оказалась важной областью вмешательства, государственным и общественным (а не индивидуальным) делом.

В эпоху модерна во Франции начались пронаталистские движения, и на протяжении XVIII в. здесь и в ряде других стран формировались демография и другие научные дисциплины и профессии, имеющие отношение к управлению народонаселением, например «медицинская полиция», которая наряду с экономической регуляцией и охраной правопорядка должна была обеспечивать здоровье и благополучие населения, ставшее в тот период объектом рациональных приемов управления: наблюдения, анализа, интервенции и модификации.

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

Уже тогда фиксируется необходимость создания более тонких и адекватных механизмов власти и контроля над этим самым населением, которое понимается в качестве реального или потенциального трудового ресурса. Младенческая смертность рассматривалась как угроза национальной экономике; стала учитываться экономическая ценность каждой жизни [Hoffmann 2000]. При этом биологические характеристики населения, понимаемые не только как различия между богатыми и бедными, здоровыми и больными, но и с позиций большей или меньшей пригодности для работы и обучения, перспективы выжить, умереть или заболеть, — становились важнейшими факторами экономики и государственного управления.

Культурное пространство демографии, ее границы и территории постоянно конструировались и реконструировались учеными, стремившимися сохранить и преумножить когнитивную власть науки и особые интерпретации реальности. Идеологические дебаты и попытки найти компромисс осуществлялись в нескольких плоскостях. История научного прогресса от свойственного евгенике биодетерминизма к социальному эмпиризму включает сдвиг от идеологии популяции к науке народонаселения [Ramsden 2002]. Биомедицинская составляющая в этой науке тесно переплелась с социальной и культурной. Наряду с биодетерминистскими идеями, представители евгеники в европейских странах с конца XIX в. высказывали сожаления о маленьких размерах семей более образованных социальных слоев, и эти воззрения разделялись более консервативными политиками. По контрасту с ними либеральные демократы идентифицировали низкую рождаемость с экономическими трудностями семьи. В первой трети XX в. шли дебаты между неомальтузианцами, предлагавшими использовать контрацепцию как способ сокращения аборт, наносящих большой вред здоровью женщин, и пронаталистами, выступавшими против абортов и остро стоящих вопросы депопуляции [Avdeev, Blum, Troitskaya 1995]. Ключевые позиции в этих научных дебатах нашли свое выражение в мерах демографической политики.

В 1920 г. советское правительство легализовало аборт, который, однако, не считался индивидуальным правом женщины, так как мог снизить уровень рождаемости и задеть интересы государства, в связи с чем его предписывалось выполнять только в исключительных случаях [Мерненко 1999]. В 1920-х годах врачи разделились, с одной стороны, на тех, кто поддерживал контрацепцию как предохранение от венерических заболеваний и способ снизить число абортов, а с другой стороны, на тех, кто настаивал, что тем самым снизится уровень рождаемости, в связи с чем благополучие нации и даже ее выживание будет поставлено под угрозу. Никаких ресурсов на производство контрацептивов государство не выделяло; и в 1936 г. секретной директивой комиссариата здравоохранения было предписано изъять из продажи все оставшиеся средства контрацепции [Solomon 1996, цит. по: Hoffman 2000]. Центральным законодательным ядром советской правительственной кампании по росту рождаемости был указ 1936 г., который запретил все аборты, за исключением медицинских причин. При обсуждении вопроса в Политбюро партии был поставлен акцент на достижении максимально возможного уровня рождаемости [Семашко 1936, с. 38, цит. по: Hoffman 2000]. Результат — небольшой и недолговременный подъем нужных показателей.

Меры, принятые правительством в конце войны для повышения статуса зарегистрированного брака и усложнения развода, повышения престижа материнства, так и не смогли остановить снижения рождаемости. Как пишет А.Г. Вишневский, усиление государственного присутствия в семейных делах оказалось неэффективным средством. Рост ожидаемой продолжительности жизни взрослого населения в 1950-х годах был скромным и кратковременным, он очень скоро прекратился, а у мужчин впоследствии даже сменился сокращением продолжительности жизни. Голод, война, репрессии — привели к настоящему «демографическому разорению»; если бы избыточных потерь в годы правления Сталина не было, россиян в 1953 г. могло быть на 40 млн больше [Вишневский 2003].

Пронатализм и стремление укрепить институт семьи отражались в политике народонаселения, которая практиковалась в эру модернизации во многих индустриальных странах. По выводам Д. Хоффмана [Hoffman 2000], как уникальные, так и во многом сходные черты пронаталистской политики можно найти в социалистических, либерально-демократических и фашистских государствах. Семейная и репродуктивная политика Муссолини характеризовалась притязаниями режима на ресурсы индивидуального домохозяйства; при этом идеология утверждала семью опорой государства, хотя стратегии семейного выживания в итальянском обществе требовали сокращения рождаемости [de Грация 2004, с. 60, 68].

В Испании политики и демографы также обосновывали влияние народа уровнем его репродукции: без повышения рождаемости национальная экономика будет без производителей и потребителей, «государство — без солдат, нация — без крови». Франко поставил цель за несколько десятилетий повысить численность населения Испании до 40 млн. Советские власти, как пишет Хоффман, никогда открыто не следовали социал-дарвинизму, скорее сопоставлялась успешность политических режимов, а высокая рождаемость была знаком превосходства социализма над капитализмом.

С 1933 г. нацистское правительство приняло жесткие меры против аборт и контрацепции, а во время Второй мировой войны — закон о смертной казни за нелегальную операцию по прерыванию беременности. В 1935 г. правительство Германии ввело ежегодные, а затем ежемесячные выплаты «наследственно здоровым» немецким семьям с четырьмя и более детьми. Многодетные матери в нацистской Германии получали Крест чести германской матери с надписью: «Ребенок возвеличивает мать» [Hoffmann 2000]. И все же, как отмечает Г. Бок, нацистская политика в пользу рождаемости, будучи расовой политикой, основанной на евгенических идеях «полноценного населения» и культе отцовства, так и не привела к улучшению статуса матерей и женщин в Германии, где режим был не способен преодолеть экономический кризис, и оказалась, по сути, антинаталистской политикой [Бок 2004, с. 44].

Дискурсивное оформление демографической политики отдельных стран видится как часть общеевропейской тенденции в направлении усиления государственного управления репродукцией. В частности, социал-дарвинистские идеи о соревновании наций и борьбе народов за выживание и размножение были положены в основу нацистской и фашистской идеологии. В то время 40-миллионное население Италии значительно отставало по сравнению с 90 млн немцев

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

и 200 млн славян, и Муссолини доказывал, что упадку ранних цивилизаций предшествовало падение рождаемости.

История убедительно показывает, что государственное вмешательство «в любых формах — и с помощью кнута, и с помощью пряника — не увеличивает силы самоорганизации семьи, а уменьшает их» [Вишневский 2003]. Вмешательство правительства в личную жизнь своих подданных не может привести к росту рождаемости. Если немедленно принять существенные позитивные меры стимулирования рождаемости и добиться ощутимого улучшения качества жизни народа в ближайшее время, — это вреда не принесет, но роста населения мы будем ждать еще долго. Увеличение ожидаемой продолжительности жизни, прирост населения за счет притока мигрантов — реалии сегодняшнего дня во всех странах Европы, и Россия — не исключение.

Демография как объект политических дебатов

Демографическая политика представляет собой не только целенаправленную стратегию государства, но и комплекс отношений между различными акторами по поводу демографических проблем. В основу анализа демографической ситуации могут быть положены следующие аспекты: являются ли те или иные параметры народонаселения предметом беспокойства и обсуждения со стороны общественности кто, каким образом и насколько успешно конструирует данную социальную проблему, делая ее предметом общественного внимания; как общественность и политики реагируют на утверждения о необходимости изменения ситуации, в том числе какие предлагаются пути решения, а также изменяются ли практики репродуктивного поведения в ответ на выдвигаемые утверждения о значимости и актуальности демографической проблемы.

Политические меры, связанные с повышением народонаселения или, по крайней мере, воспрепятствованием его уменьшению, планируются в атмосфере дебатов относительно причин низкой рождаемости. Одна из причин — распространение контрацептивных средств. Другая группа причин объединяет такие факторы, как экономический упадок, стагнация экономического роста, безработица. К третьей группе причин относят факторы, опосредующие рациональный выбор: неуверенность в завтрашнем дне, в частности, из-за негарантированности рабочего стажа, снижения объемов государственного социального обеспечения, сокращения числа учреждений дошкольного воспитания, повышения их стоимости.

Существует и объяснение, согласно которому некоторые социальные изменения (модели семьи) отстают от социально-экономических трансформаций (структура доходов семьи, структура занятости), тем самым вызывая кризис рождаемости неопределенной продолжительности, которая будет определяться реакцией общества и правительства. Это выводится из таких объективных обстоятельств, как трансформация способа производства от семейного к капиталистическому с характерной для него занятостью вне дома и большинством людей, проживающих в крупных городах. Тенденции к дезинтеграции семьи ощущались во всех европейских странах уже в XIX в. Социальные движения и новые идеологии, расширяющиеся возможности занятости женщин расшатывали существующие гендерные роли, мораль и паттерны семьи, усиленные

последствиями войны: ученые указывали, что индустриализация ниспровергла семью и возымела разрушительные влияния на патриархальную сельскую семью как идеал стабильности и высокой рождаемости, воспитав индивидуализм, социализм и феминизм. Эти идеи были восприняты просемейными активистами католических организаций, а также многими политиками, которые делали акцент на важности семьи для социальной стабильности и национальной мощи во всей Европе, как и в России [Hoffman 2000].

Удивительно, насколько живучи в современной России эти аргументы вековой давности: причем их можно найти не только в националистической прессе, но и в современных отечественных изданиях учебной литературы для специалистов социальной сферы. Так, в учебном пособии по социальной педагогике автор раздела о работе с семьей следующим образом излагает свою точку зрения на факторы, характеризующие разрушение или ослабление семейных связей: «Раньше центром всей жизни семьи (воспитательной, внутрисемейной и т. д.) была, как правило, мать, находящаяся всегда дома и оберегающая внутренний духовный мир семьи» [Социальная педагогика 2002, с. 80]; «Раньше главной заботой женщины была семья. Теперь вследствие облегчения домашнего труда женщина имеет возможность трудиться вне семьи. Культурный уровень современного общества также способствует самостоятельности женщины. Расширение избирательных прав женщины дает ей возможность активно участвовать в деятельности государственных, общественных и политических организаций. Все перечисленное ведет к тому, что семья по существу лишается света, согревающего ее» [Социальная педагогика 2002, с. 78].

Более умеренная точка зрения состоит в признании того, что традиционная семья не во всем и не всегда может адаптироваться к современному обществу, и поэтому нужна новая система репродуктивных институтов, чтобы вновь мотивировать деторождение. Исследователи, анализируя жизненные стили, социальную моду и культурные сдвиги, говорят о том, что некоторые социальные факторы нередко недооцениваются в обсуждении проблемы низкой рождаемости. В частности, высокая доля молодых взрослых в Австралии в 1980-х годах, которые откладывали и брак, и рождение детей не по экономическим причинам, а потому, что они хотели путешествовать и получать другой опыт, найти себя как личность. Следовательно, основные вопросы связаны в будущем с тем, смогут ли пары оправдать свои ожидания, если будут а) вступать в официальный брак и б) заводить детей [Caldwell, Caldwell, McDonald 2002]. Эти вопросы напрямую выходят на понятия «ответственное партнерство» и «ответственное родительство» — важнейшие социально-нравственные императивы современного общества [Кон]. Согласимся с И.С. Коном в том, что «традиционный брак является достаточно жестким социальным институтом, а современные партнерства и браки тяготеют к тому, чтобы быть «чистыми» (термин А. Гидденса), самооценными отношениями, основанными на взаимной любви и психологической интимности, независимо от способа их оформления. Такие отношения значительно менее устойчивы, чем нерасторжимый церковный брак и даже основанный на общности имущественных интересов буржуазный брак по расчету. Это означает неизбежное увеличение числа разводов и связанных с ними социально-психологических проблем. Актуальной задачей общества становится не только укрепление семьи, но и повышение культуры развода, от недостатка которой больше всего страдают дети» [Там же].

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

Большая часть объяснений низкой рождаемости сосредоточена вокруг массовой занятости замужних женщин с детьми. Иногда эксперты делают акцент на том, что полная занятость, основанная на предваряющем ее длительном образовании, дает женщинам новые роли, альтернативные роли матери и даже жены. Большой акцент, как правило, делается на трудностях с поиском работы для женщин, а также возможностей самореализации в условиях необходимости длительных перерывов в занятости по причине рождения и воспитания детей [Кулаков, Фролова 2004]. В таких условиях женщины могут предпочесть иметь только одного ребенка или двух, или же ни одного. Между тем нам известно о практиках найма, бытующих в современных учреждениях и предприятиях различных форм собственности, включая государственные организации социальной сферы, когда девушку спрашивают, собирается ли заводить детей, или просят подписать обещание, что не собирается рожать в ближайшие годы.

В США долгое время фиксировались одновременно самый высокий уровень рождаемости среди стран индустриального мира и самая низкая государственная поддержка семьям. Подобный парадокс отчасти объясняется доступностью для многих американских семей недорогой системы ухода за детьми, вырастающей из особой структуры заработной платы, а также, возможно, в силу постоянного притока нелегальной рабочей силы, состоящей из мигрантов. В настоящее время в США рождаемость упала, как полагают некоторые авторы, в силу того, что женщины изменили свои установки в отношении работы, не изменив при этом их взгляды на объем необходимых услуг по уходу за ребенком [Caldwell, Caldwell, McDonald 2002].

Различия во взглядах российских ученых на сложившуюся демографическую ситуацию хорошо известны [Клунт 2003]. Если одни из них в той или иной степени связывают повышение смертности в 1990-х годах с реформами [Гундаров 2001; Рыбаковский и др. 2000], то, по мнению других «реального повышения смертности в первой половине 1990-х годов либо вовсе не было, либо оно было очень небольшим» [Население России 2000]. Ряд экспертов высказываются в пользу необходимости немедленного активного вмешательства государства в демографические процессы, другие, напротив, опасаются, что такое вмешательство принесет только вред. Детерминация демографических процессов социально-экономическими факторами нестабильна, набор таких факторов и параметры их влияния на результат быстро меняются во времени и заметно варьируют в пространстве. В этих условиях применение любых временных и межстрановых аналогий оказывается достаточно спорным.

Сама по себе демографическая ситуация, как правило, рассматривается как проблема — как «нежелательные, опасные, угрожающие, противоположные природе "социально здорового", "нормально" функционирующего общества, как социальная патология, социальная дезорганизация, дисфункции, социальные противоречия, структурные напряжения» [Ясавеев 2004]. Распространению подобного прочтения демографической ситуации способствуют выступления ученых, политиков, журналистов. Вместе с тем редко удается проблематизировать организацию и финансирование социального обеспечения, качество семейных, в том числе родительско-детских, отношений, отношение к пожилым людям в обществе, высокую смертность россиян от дорожно-транспортных происшествий, в результате участия в военных действиях и т. д.

Отметим различный политический вес аргументов демографической политики, среди которых такие характеристики населения, как продолжительность жизни, смертность, рождаемость, здоровье. Не нужно проводить специальных исследований, чтобы признать более заметную роль проблематики продолжительности жизни по сравнению с остальными вопросами. В странах Запада многие пенсионеры в пожилом возрасте могут позволить себе путешествия, разнообразные хобби и вообще смену стиля жизни в направлении большей гибкости и содержательности [*Caldwell, Caldwell, McDonald 2002*].

Поэтому возрастает стремление к сокращению срока трудового стажа и снижению возраста выхода на пенсию. Голоса пожилых избирателей выступают куда более значимым аргументом, нежели факты младенческой и детской смертности, роста численности детей-сирот, наркотизация и алкоголизация молодежи, повышение показателей смертности от суицидов и других неестественных причин, ухудшение здоровья населения.

Наиболее часто используемый тезис о постарении населения обсуждается в двух дискурсивных направлениях: дефицит трудовых ресурсов и национальное достоинство. Стабилизация уровня рождаемости в Европе на уровне 1960 г. означала бы, что каждый год трудовые ресурсы пополнялись бы числом людей, в полтора раза превышающим количество уходящих на пенсию. И хотя благодаря бэби-буму в 1970-х годах некоторые западные страны испытывали даже вдвое больший приток рабочей силы, по сравнению с оттоком с рынка труда пенсионеров, к настоящему времени низкий уровень рождаемости означает обратное: лишь половина от числа уходящих на пенсию восполняется новыми трудовыми ресурсами. Это означает относительно меньший приток новой рабочей силы, но одновременно и наличие в течение длительного времени более опытного сегмента трудящихся. Исследователи указывают, что в этом случае молодежь должна будет начинать карьеру раньше и в окружении более старших поколений [Там же].

Основным дискурсивным конструктом горячих выступлений националистически настроенных исследователей, политиков и священников в разных регионах мира является «национальное вырождение». И хотя современная глобальная военно-политическая ситуация, тенденция к созданию федераций типа Евросоюза сделали этот вопрос менее значимым, существенное уменьшение населения, особенно в наиболее затронутых данными процессами странах, например в Германии, может поощрить рост культурного национализма. Население Европы в сравнении с остальным миром, начиная с 1950-х годов, упало с 22 до 12 %, хотя в целом ее население выросло на 180 млн человек, т. е. почти на треть [Там же].

Миграционные процессы для России отнюдь не являются чем-то новым, в советское время они были даже более интенсивными. В дискурсивном оформлении демографических проблем принимают участие социологи, проводящие массовые опросы, помещая в свои опросные инструментариумы формулировки вопросов и ответов, заведомо фиксирующие определенный полюс дискуссии, а затем подавая их как мнение населения. Каждый четвертый опрошенный из респондентов Воронежской области [*Романович 2004, с. 62—63*] согласился с необходимостью повышать престиж семьи в обществе с помощью пропаганды семейных ценностей, в том числе увеличения количества детей в семье. Н.А. Романович называет ряд непопулярных мер борьбы с демографическим

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

кризисом — запрещение усыновления российских детей иностранцами, запрещение аборт, введение налога в семьи с количеством детей меньше двух, прием беженцев из бывших республик Советского Союза, разрешение многоженства.

Ж. Зайончковская выдвигает два контраргумента против подобных рекомендаций. Один из них связан с невозможностью быстрого и существенного повышения рождаемости. Второе возражение связано с отставанием России от западных стран в пять-шесть раз по производительности труда, в связи с чем невозможно говорить о сокращении числа занятых и одновременном повышении уровня жизни и росте экономики. Даже в западных странах современная экономика не может развиваться при сокращении численности рабочей силы. Если бы это было возможно, пишет автор, «то и в Германии, и во Франции, и в других западных странах уже давно бы отказались от привлечения иммигрантов. Сильно увеличивать число иммигрантов не хочет никто, но обстоятельства вынуждают» [Зайончковская 2004].

Демографические процессы выступают предметом интенсивных дебатов и политических мероприятий в большинстве стран мира. Накал этих страстей в европейских странах не мешает проводить согласованную политику, основанную на скрупулезном учете многообразных факторов и долгосрочных прогнозах. Рассмотрим основные проходящих дискуссий, соотнося их с особенностями демографической ситуации в России.

Дискурсы демографической политики

Т. Журженко приводит типологию дискурсов демографической политики вслед за работой Н. Ювал-Дэвис «Гендер и нация», выделяя три доминирующих дискурса демографической политики национального государства: «Дискурс, который может быть назван "народ как сила", евгенический дискурс и мальтузианский дискурс. Первый тип дискурса <...> определяет политику практически всех национальных государств и касается главным образом государствообразующей нации. В рамках этого типа дискурса будущее нации зависит от ее непрерывного количественного роста. <...> в большинстве случаев ответственность за прирост населения возлагается на женщин "коренной" национальности, государственная политика направлена на активизацию их репродуктивного поведения» [Журженко 2001, с. 122].

Приведем несколько иллюстраций этих типов дискурса, распространенных сегодня в России. Снижение рождаемости и депопуляция рассматриваются как важнейшие проблемы, определяющие будущее нации в связи с их экономическими и социальными последствиями для национальной безопасности [Рыбаковский 2004], что связывается с ухудшением ситуации на рынке труда, старением населения и возрастанием нагрузки на пенсионную систему. При этом речь идет не просто о снижении численности населения России, а о «национальном вырождении», «размывании» русского этноса. Такую националистическую позицию открыто выражают священники, ученые, журналисты: «Социально-экономические проблемы России вытеснили на периферию забот верховной власти страны ключевую угрозу завтрашнего дня — вырождение русского народа. Главный фактор демографического кризиса России — это не сверхсмертность, а

"обвал" рождаемости во всех русских регионах. Пора понять: в деле восстановления демографического благополучия нынешняя идеология приоритета социально-экономического фактора будет только мешать. Нужны меры с опорой на генетические, физиологические и психологические Законы Природы» [Баиллачев 2004]. Ошибочный курс социально-экономической политики, по мнению М.Н. Руткевича, приводит к «вымиранию русского народа с невиданной в истории скоростью»; «вымирание русского государствообразующего народа» происходит на фоне «демографической экспансии чеченского народа» [Руткевич 2005, с. 28,29].

Малолетные и бездетные семьи в интерпретации некоторых социологов получают ярлык дезадаптантов, неэффективно реализующих свои основные функции, в число которых входит «воспроизводство (количественного и качественного) населения» [Солодников 2004, с. 76]. К «добровольно бездетным» семьям, по данным этих исследователей, население относится чуть более снисходительно, чем к семьям с родителем-преступником и «ориентирующимся на физические наказания детей». Согласно данным исследований КОМКОН 1999—2003 гг., ту или иную степень согласия с утверждением «супруги должны иметь детей» выражают 70—89 % респондентов. «Противоречивость общественного сознания, — как пишет В.В. Солодников, — заключается в том, что требование ко всем супругам иметь детей в течение пяти лет усиливается, а озабоченность проблемой запрещения аборт, напротив, снижается. Есть основания полагать, что аборт обыденным сознанием признается в качестве допустимого средства регуляции рождаемости» [Солодников 2004, с. 79]. Исследователи, как видим, приписывают общественному сознанию свойства алогичности и противоречивости, вместо того чтобы принимать во внимание мультифакторную природу установок населения, поливариативность жизненных стилей, которые оформляются под влиянием экономических и социокультурных процессов, опосредуемых государством, рынком и гражданским обществом.

Добавим, что в отношении зарубежных усыновителей, которых представляют в качестве виновников демографического кризиса, то и дело возникает кампания, напоминающая охоту на ведьм. Моральная паника в отношении международного усыновления — это, на наш взгляд, политически и культурно сконструированный страх, который вызван ксенофобией, страхом и ненавистью к иностранцам, в особенности американцам, помноженной на подозрительное отношение в нашем обществе к тому, кто усыновляет, как к маргинальной семье, «у которой что-то не так, если она взяла этого ребенка на усыновление» [Круглый стол 2004]. Данная моральная паника является следствием политического раздувания проблемы демографии и поиска виновных в том, что народонаселение уменьшается.

Для религиозно-православных текстов характерна особая позиция — в них подчеркивается, что причины снижения рождаемости и роста смертности лежат не в экономической, а в духовной сфере — неправильном нравственном восприятии семьи, потере смысла жизни, озлобленности [Клутт 2003]. Реакционный дискурс, направленный против планирования семьи, контрацепции и полового просвещения, И.С. Кон называет сексуальной контрреволюцией, которая идеологически представляет собой «всего лишь один из элементов консервативного сознания, растерявшегося перед лицом быстрых, драматических и часто

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

нежелательных социальных перемен и пытающегося найти точку опоры в историческом прошлом. Бесплотный командно-административный "логос" — дитя советского тоталитаризма, стремится заставить россиян размножаться (не столько из любви к детям, сколько ради "национальной безопасности", чтобы было кому служить в армии и работать) и одновременно пытается ограничить их сексуальные права и свободы, которые ассоциируются только с отрицательными явлениями. Сексологическая безграмотность, вкуче с авторитаризмом и популизмом, побуждают российских политиков бороться не с издержками и опасностями сексуальной революции, а с сексуальностью как таковой» [Кон 1998]. Тесно связанным с политико-идеологическими воззрениями оказывается и отношение к планированию семьи и пропаганде контрацепции. Чаще всего этот вопрос обсуждается в текстах националистической и религиозно-православной направленности (соответственно 34,8 % и 30,4 % таких текстов), причем почти для всех них (85,7 % в первом случае и 100 % во втором) характерно резко отрицательное отношение к планированию семьи [Клунт 2003]. Острие критики реакционного толка направлено на деятельность Центров планирования семьи, хотя в их задачи входит далеко не только формирование контрацептивной культуры, но и помощь тем, кто страдает от бесплодия, стремится завести детей [Гребешева 2004].

За это воинствующее средневековое мракобесие расплачиваются прежде всего подростки, на сексуальном поведении которых «сильно сказывается криминализация и общая нравственная дезориентация общества. Либерализация сексуальной морали в сочетании с низкой сексуальной и медицинской культурой влечет за собой много опасных последствий. В молодежной среде резко выросло количество изнасилований, которые большей частью остаются безнаказанными. Растет и молодеет подростковая проституция. Заболеваемость сифилисом среди подростков выросла за последние пять лет в 51 раз! Хотя благодаря усилиям врачей общее число аборт у нас в последние годы снизилось, по количеству аборт на 100 рождений Россия опережает США в 8, Францию — в 10, а передовую Голландию — в 20 раз. Что же делать? То же, что 30 лет назад начали делать на Западе, — вводить сексуальное образование. Это трудное и долгое дело, но другого пути нет» [Кон 1998]. Необходимо придерживаться положительного и уважительного подхода к семье и сексуальности, несводимой к репродуктивной функции, свободный от принуждения, дискриминации и насилия, а также обеспечивать свободный доступ к информации, образованию и медицинскому обслуживанию, что тесно связано с общим качеством жизни и правами человека.

Евгеника представляет основу второго типа дискурса, который акцентирует внимание не на размерах нации, а на ее качестве. Не следует путать эту логику с той, что ставит акцент на качестве человеческого потенциала [Римашевская 2004] в аспекте прежде всего образовательного статуса. В отличие от этого подхода, современный евгенический дискурс является частью идеологии национализма и «оперирует понятиями "генофонд нации", "генетической потенциал", от которого зависит здоровье и будущее последующих поколений нации» [Журженко 2001, с. 122—123; 125—126]. В рамках такого дискурса ведутся дискуссии о репродуктивном здоровье населения: «Возникшая в 1990-е годы кризисная демографическая ситуация в России во многом определяется низкими показателями репродуктивного здоровья молодежи, вступающей в фертильный возраст.

Н.И. Ловцова, Е.Р. Ярская-Смирнова

<...> Здоровье женщин фертильного возраста закладывается с первых дней жизни. <...> Объективная оценка репродуктивного потенциала девочек позволяет своевременно разработать меры медико-социального характера, направленные на его коррекцию, прогнозировать демографическую ситуацию в данном регионе, состояние здоровья будущих беременных, рожениц и родильниц, а также рожденных ими детей» [Юрьев 2001]. Говоря об образе жизни молодежи, исследователи рисуют безрадостную картину с курящими, пьющими и злоупотребляющими наркотиками девушками — по результатам анкетирования они отнесены к группе риска. Здесь же говорится о необходимости формирования у подростков и молодежи сексуальной культуры — важность подобных программ аргументируется с опорой на данные опросов девушек, считающих себя недостаточно информированными в вопросах пола и стремящихся получить дополнительную информацию по этим проблемам, имеющих ранний опыт половой жизни и не владеющих способами контрацепции [Там же]. Подобные исследования стали уже традицией: авторы, видимо, представляют себе девушек и юношей, вращающихся в герметичных сферах, разделенных между собой по признаку пола, в связи с чем жизненные стили и поведенческие практики юношей на проблемы репродукции никак не влияют.

Как и в 1930-х годах, когда государственная идеология апеллировала к традиционной модели семьи, трактуя материнство как «естественное» женское предназначение, ответственность за воспроизводство нации приписывается женщинам. В 1920—1930-х годах был усилен государственный контроль за материнством, которое было подвергнуто интенсивной медикализации как в СССР, так и почти во всех развитых индустриальных странах Европы и Америки. «Материнство признавалось высшим призванием каждой женщины и ее национальным долгом, превращая прежде частное дело воспитания детей в почти профессиональное занятие, требующее значительного количества специальных знаний и времени» [Черняева 2004, с. 134]. Уникальность советской ситуации состояла в том, что от женщин ожидался не только серьезный вклад в сферу воспроизводства — ведь государство как никогда нуждалось в женщинах на производстве.

В современной России сходная идеология медико-религиозного контроля за женщинами звучит в выступлениях представителей религиозных кругов, которые все более интенсивно задействуют медицинский дискурс, в том числе в таких формах, как организация «Общества православных врачей», выступления со страниц светской прессы, в телевизионных программах и на занятиях в учреждениях среднего и высшего образования¹ с заявлениями против абортов, контрацепции и гедонистического секса, призывая к решению демографической проблемы по принципу: «если сами воспитать не можете, отдайте в детдом — государство воспитает» [Выступление представителя Саратовской епархии 2005].

Очевидна зависимость между политико-идеологическими воззрениями авторов и их представлениями о путях выхода из кризиса. Так, меры государственного материального стимулирования рождаемости реже всего обсуждаются в

¹ Программы биомедицинской этики в Российском государственном медицинском университете и других отечественных медицинских вузах, а также деятельность Общества православных врачей направлены на выработку у медиков позиции по ряду проблем, включая «демографию и аборты» [Выступление диакона Михаила Першина 2005].

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

текстах либеральной направленности (11,1% таких текстов), причем в 60,0 % из них высказывается мнение о нецелесообразности или принципиальной неприемлемости таких мер. Для подавляющего большинства остальных текстов, напротив, свойственно позитивное отношение к мерам экономического стимулирования рождаемости. Наиболее часто такие меры обсуждаются в религиозно-православных и националистических текстах (в обоих случаях — в 39,1 % таких текстов), а также в 32,6 % текстов умеренно-прагматической и 22,4 % — социал-демократической направленности [Клунт 2003].

Ввиду того что демографическая ситуация рассматривается сегодня многими авторами исключительно сквозь призму проблемы спада рождаемости, заостряется внимание к вопросам репродукции и сексуальности. Говоря словами М. Фуко, сфера сексуального, в особенности за последние двести лет, постоянно подравнивалась под четко определенную норму развития от детства и до старости и благодаря имеющемуся тщательному описанию всех возможных девиаций, организации педагогического контроля и медицинского лечения. И вокруг всего этого моралисты, а особенно медики, создали целый тезаурус отвращений, мотивированные «одной основной заботой: обеспечить рост населения, воспроизвести рабочую силу, увековечить форму социальных отношений; короче, конституировать сексуальность, которая была бы экономически полезной и политически выгодной?» [Foucault 1990, p. 36—37]. Тем самым управление социальным порядком оказывается насыщенным авторитарными практиками медицинского вмешательства и контроля, относящимися не только к заболеванию, но и общим формам существования и поведения, в том числе сексуальности. Между тем еще в 1970-х годах Всемирной организацией здравоохранения было принято определение, отличающее репродуктивное здоровье, охватывающее медицинские проблемы зачатия, беременности, родов и выхаживания младенцев, от сексуального здоровья, которое помогает людям эффективно контролировать и наслаждаться своей сексуальностью. ВОЗ подчеркивает, что сексуальное здоровье предполагает положительный и уважительный подход к сексуальности, свободный от принуждения, дискриминации и насилия, а также свободный доступ к сексуальной информации, образованию и медицинскому обслуживанию. Поскольку все эти явления тесно связаны с общим качеством жизни и правами человека, состояние сексуального здоровья неодинаково не только у разных индивидов, но и в разных странах, и это, как справедливо отмечает И.С. Кон, делает его социально-правовой проблемой [Кон].

Третий тип дискурса — мальтузианский — «часто работает на руку националистам в отношении этнических меньшинств, он служит рационализации опасений, связанных с неконтролируемым ростом их численности и нарушением сложившегося "этнического баланса" в государстве» [Журженко 2001, с. 123]. Мальтузианский дискурс в России можно обнаружить в отношении этнических мигрантов и компактно проживающих меньшинств, например турок-месхетинцев [см. об этом: Колесов, Кочергин 2003]. В частности, А.В. Дмитриев в статье о конфликтогенности миграции аргументирует свою позицию авторитетом западных специалистов: «В отличие от большинства российских исследователей, сторонников так называемой политкорректности, западные специалисты откровенно отмечают дрейф России к катастрофе. В частности, сохранение ею своего влияния в Средней Азии они считают несерьезным предприятием». Здесь же

Н.Н. Ловцова, Е.Р. Ярская-Смирнова

утверждается, что «миграция, как правило, порождает негативные тенденции в развитии межнациональных отношений, когда этнические общности неизбежно начинают конкурировать между собой в областях занятости, проживания и общения» [Дмитриев 2004, с. 9]. О варианте решения демографической проблемы за счет миграции говорится как об угрозе: если «государство изберет политику активного привлечения мигрантов с целью компенсировать убыль населения, то необходим въезд в нашу страну на постоянное местожительство от 700 тыс. до 1 млн человек. По подсчетам исследователей, во второй половине XXI в. мигранты и их потомки могут превысить половину населения России, а если точнее, то к 2050 г. эта доля составила бы 35 %» [Там же, с. 11]. То, что Т. Журженко пишет о крымских татарах в Украине, может быть сказано и об отношении к ряду этнических меньшинств в России: «В литературе все чаще выражается опасение по поводу возрастания их численности не только вследствие репатриации, но и в силу их активного репродуктивного поведения, обусловленного национальными и религиозными традициями» [Журженко, 2001, с. 126].

Следует выделить и такие типы дискурсов, как правозащитный и прагматический. По данным проведенного М. Клуптом анализа текстов, размещенных в 1998—2002 гг. на веб-сайтах русскоязычного сегмента сети Интернет [Клупт 2003], в таком разрезе вопросы миграционной политики наиболее часто рассматриваются в текстах либеральной и умеренно-прагматической направленности (соответственно 55,5 % и 38,8 % таких текстов). Первая точка зрения характерна для текстов либеральной направленности (82,1 % общего числа таких текстов, затрагивающих вопросы миграции), вторая — для текстов умеренно-прагматической направленности (соответственно 89,5 %).

При этом правозащитная точка зрения во главу угла ставит интересы мигрантов, а опасности, связанные с неконтролируемой миграцией, не упоминает или объявляет преувеличенными. По мнению представителей организаций переселенцев, «государство объявило войну мигрантам». Речь идет не только об усложнении получения российского гражданства, но и о слабом правовом обеспечении миграции. Приезжающим все сложнее получить вид на жительство, неразбериха сохраняется и в вопросе о том, кто должен заниматься этой проблемой [Зайончковская 2002, -с. 9].

Прагматическая точка зрения фокусирует внимание на условиях, при выполнении которых миграция может стать благом, а не бременем для России. По словам Ж. Зайончковской, «восполнить потери можно только за счет иммиграции, которая буквально становится судьбоносной проблемой для будущего России С 1992 г. убыль населения России составила 7 млн человек — где-то по миллиону в год. Мигранты смогли компенсировать только 3,5 млн от этой убыли. Если сохранятся нынешние тенденции, к 2050 г. население России сократится на одну треть. Чтобы компенсировать эти потери, понадобятся 45 млн мигрантов — по 900 тыс. человек в год. А теперешний уровень — 186 тыс. в год» [Зайончковская 2004]. Современная государственная политика «должна быть направлена не на отталкивание, а на привлечение мигрантов. Такой подход диктует демография. Если сегодня одного пенсионера "кормят" семь работников (обеспечивая при этом более чем скромную пенсию), то к 2050 г. при сохранении нынешних демографических тенденций одного пенсионера придется кормить двум работникам, а это непосильный груз для любого общества» [Зайончковская 2002, с. 9].

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

Прагматические аргументы нередко сопровождают анализ в сфере соблюдения прав мигрантов. Л. Графова, отстаивая права мигрантов, прибегает к аргументам, наиболее понятным для властей: «Может быть, теперь, когда демографический кризис буквально на глазах превращается в демографическую катастрофу, власти все-таки опомнятся? Поймут наконец, что мигранты — не обуза, а благо для России?» [Графова 2004]. Прагматика сдвигает фокус внимания с проблем диаспор, беженцев и нарушения прав человека в сторону интересов России.

К прагматическим аргументам следует отнести и предпочтение квалифицированных, русскоязычных (или русских) мигрантов из СНГ «вьетнамцам и китайцам», а также беженцам и вынужденным переселенцам, на которых государство тратит деньги. В отношении рабочей силы из СНГ, которая является «великим благом для страны», «миграционной элитой», были непредусмотрительно созданы неблагоприятные условия въезда: «к нашему стыду и сожалению, мы постоянно создавали для этих мигрантов искусственные трудности: ограничивали регистрацию в городах, посылали их в село, теперь создали проблемы с получением гражданства, несмотря на огромную положительную социальную роль трудовой миграции, соответствующее правовое поле крайне несовершенно, и подавляющее большинство трудовых мигрантов считается незаконными» [Зайончковская 2004]. Правда, «миграционный ресурс СНГ мы, скорее всего, исчерпаем уже к 2015 г.» [Зайончковская 2002].

Миграция, как и отрицательный естественный прирост населения, это реалии крупных индустриальных стран XXI в. [Демография 2003], с которыми следует считаться. В снижении рождаемости нет «вины женщин», как это стремятся представить некоторые традиционалисты. Это вопрос жизненного выбора современных людей — супругов, партнеров, проживающих совместно или ведущих домохозяйство автономно. Увеличение продолжительности жизни, как и миграцию, следует рассматривать не только и не столько как бедствие, сколько как ресурс экономического и социального развития. Дебаты в средствах массовой информации, на общественно-политических и академических форумах по затронутым выше проблемам демографии и демографической политики во многом отражаются в репертуарных матрицах установок повседневных акторов — исполнителей мер государственной политики и тех, кому эти меры адресованы.

«Нищету плодить» или «нацию повышать»: демографическая политика в оценках матерей и работников социальной сферы

На повседневном уровне взаимодействия государства и граждан — в поле практической деятельности социальных служб — оформляются локальные дискурсивные стратегии демографической политики. Для того чтобы проанализировать эти дискурсы, нами проводилось исследование в нескольких районных центрах Саратовской области². Наш разговор с информантами касался установок

² Исследование отношения населения и экспертов к мерам демографической политики по заказу Министерства здравоохранения и социального развития Саратовской области с использованием метода качественного интервью в октябре 2004 г. в пяти муниципаль-

Н.И. Ловцова, Е.Р. Ярская-Смирнова

на многодетность среди населения и возможностей государства влиять на рост рождаемости. В ответах звучали моральные и рациональные обоснования потребности в детях, артикулируемой на макро- и микроуровнях — государством, индивидом или семьей. В числе аргументов в пользу многодетности опрошенные матери указывали, с одной стороны, на государственные интересы и традиции, полагая наличие братьев и сестер залогом правильного воспитания ребенка, развития у него навыков общения и различных форм социально одобряемого поведения, усматривая в детях фактор прочности семейных уз и чувств, формирования ответственности родителей. Вместе с тем информанты признают, что в настоящее время наличие нескольких детей в семье — фактор бедности. Почти каждая из них заявила, что хотела бы еще родить ребенка, однако материальное положение не позволяет решиться на такой шаг; ведь в многодетной семье детям приходится сталкиваться с огромным количеством ограничений, чаще связанных с потреблением товаров и услуг, что психологически травмирует детей. А вот семье с высоким материальным достатком, полагают наши собеседницы, можно и нужно иметь больше детей.

Структура домохозяйства, а также местожитительство предопределили резкие расхождения позиций по ряду вопросов, хотя во многом позиции опрошенных нами матерей сошлись. В целом опрошенные матери убеждены в легитимности малодетной семьи в современном обществе, называя причинами этого явления и наличие материальных трудностей, и проблемы со здоровьем, и нестабильность семейных отношений, и никак не объясняемое «желание ограничиться одним ребенком». Чем меньше населенный пункт и ниже возможности занятости, тем чаще звучит аргумент отсутствия работы как фактора экономической нестабильности и как следствие отказа от рождения большего числа детей: *«Мне кажется, это происходит потому, что нет работы...»; «Тут по благу техничкой только можно устроиться. По благу, и то, я говорю, техничкой не больно-то устроишься, а если о детях думать, то., то как их поднимать, если жить не на что. Может, в городе по-другому».* В свою очередь, жительницы крупных городов утверждают, что наличие работы, необходимость зарабатывать сдерживают семьи от рождения второго и последующих детей: *«Я вот пока... пока муж мало зарабатывал, работала как лошадь. Одного родили, вроде как положено. Может, и думали второго завести, но это значит— работу мне бросать, и так не очень хорошо жили, а если еще ребенок прибавится, да я без работы буду как минимум год-полтора... зубы на полку положим»; «я бы и родила, конечно, но у меня работа. С одной стороны, кто это мне место сохранит там, если я в декрет уйду? С другой стороны— если работать не буду, на что жить будем? На всех мужниной зарплаты не хватит».*

Ситуация для жителей районов Саратовской области обостряется необходимостью не только трат на лечение и лекарства, но и недоступностью квалифицированной медицинской помощи и неизбежностью затрат, связанных с

ных образованиях Саратовской области: г. Саратове, г. Энгельсе, г. Марксе, г. Калининске и р. п. Лысье Горы. Информанты — администраторы социальной сферы указанных образований и руководители социальных служб (N=9), сотрудники Центров социального обслуживания населения и Центров Семья (N=31), а также женщины в возрасте от 25 до 45 лет — представители домохозяйств низкого достатка, имеющие от одного до трех детей, включая несовершеннолетних (N=16).

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

поездками в областной центр. Крайне тяжелое материальное положение в настоящем заставляет их постоянно сравнивать актуальную ситуацию с прошлым относительным благополучием, когда наличие работы и уверенность в стабильном будущем, а также относительное равенство позволяли решиться на рождение нескольких детей.

Оценка уровня рождаемости в стране как крайне низкого была дана в ответах многодетных матерей, причем необходимость повышения этого показателя обосновывалась с позиции государственных интересов. Такая аргументация звучала как осуждение господствующих в обществе норм малодетности, а также как реакция на упреки в том, что многодетные матери «плодят нищету». Матери, имеющие троих детей, одобрительно высказывались в адрес многодетных семей, используя для их характеристики такие ключевые категории, как «мужество», «основа государства», «любовь».

Вторая точка зрения прямо противоположна — поскольку государство не заботится о многодетных семьях, следовательно, государству дети не нужны. Это мнение выразили женщины, имеющие не более двух детей, а также представляющие домохозяйства относительно более высокого уровня доходов. Здесь слышны аргументы, суть которых заключается в том, что родители должны обеспечить ребенку необходимый уровень жизни, психологический комфорт, качественное образование и заботу о здоровье, что в современных условиях могут себе позволить далеко не все семьи. Этими инвариантами рождение детей при отсутствии условий для обеспечения высокого качества жизни трактуется как эгоизм и даже преступление: *«Нет, ну это эгоизм, я считаю! Понятно, там, любовь к детям и все такое... но они же голодают у них! И потом, ну... в обществе, что ли... они живут, видят же, что другие дети другие возможности имеют — и одежда, и игрушки другие. А они же нормальные дети — им этого хочется, конечно! Ну, и... короче, они возьмут и отберут. Сегодня шоколадку, а завтра — ограбят кого на улице посерьезнее. Мы же и преступность спровоцируем! Нет, это преступление — рожать детей, если ты их обеспечить не можешь!»* Патологизация многодетных семей распространена, как мы увидим далее, и среди работников социальной сферы, и этот дискурсивный прием напрямую связан с индивидуализацией социальных проблем, в логике которой — игнорирование комплекса структурных факторов, приводящих к тяжелым жизненным ситуациям и кризисам в жизни конкретных людей и домохозяйств.

В отношении политики повышения рождаемости мнения разделились. С позиции матерей, имеющих не более двух детей, а также представителей относительно более обеспеченных домохозяйств, повышение рождаемости не должно быть первоочередной задачей, но может стать результатом решения других, более необходимых задач, в том числе улучшения здоровья населения, борьбы с алкоголизмом и преступностью: *«Нужна стабильность, вот тогда можно рожать детей»; «У нас в районе проблемы — в первую очередь — налаживать медицинскую службу. Дети умирают. У моей знакомой дочь умерла недавно — надо было на операцию лечь, у нее трое детей — деньги нужны, в Саратов везти, там жить, чтобы ухаживать. У нее средств нет, она без мужа. Так [девочка] и умерла»; «В общем люди выживают, кто во что горазд. Люди здесь пьют, часто дети брошены. Так страшно. Убивают здесь на улицах. Страшно. Как-то не так все, нет, сейчас рожать нельзя!»*. Драматизация повествования проявляет

ощущаемый респондентами дефицит безопасности, стабильности и уверенности как в настоящем, так и в будущем своих детей.

Вторая точка зрения связана с необходимостью налаживания экономической помощи семьям, что будет способствовать повышению рождаемости и, по мнению женщин, вполне соответствует намерениям людей: *«И поэтому, я не знаю, как в городах, а в деревнях, по-моему, всегда люди были за то, чтоб было много детей! Но была бы, маленько, помощь, хоть чуть-чуть бы»*; *«Пособия надо людям нормальные давать, деньги будут у людей — дети будут, а потом тогда и службы появятся, детские садики. Жилье, опять же, надо давать молодыми»*. В репликах информантов прозвучала также идея персональной ответственности семьи за свое положение, связанное с тем, что *«детей рожают для себя, не для государства»*. Эта точка зрения созвучна государственной идеологии либерализации социальной политики, акцентирующей принцип личной ответственности граждан за свое положение. Для этих информантов характерно мнение, что дети не нужны государству, которое не может позаботиться о многодетных семьях. Здесь слышны аргументы ответственного родительства — о необходимости обеспечить ребенку необходимый уровень жизни, психологический комфорт, качественное образование и заботу о здоровье, что в современных условиях могут себе позволить далеко не все семьи.

Во многих других аспектах опрошенные были солидарны, причем при обсуждении форм государственной поддержки предпочтение отдавалось активной политике занятости, чем принятым сегодня денежным трансфертам, которые в первую очередь ассоциируются у женщин с детскими пособиями, единодушно подвергавшимся критике как крайне низкие. Экономический рост, увеличение возможностей занятости безусловно имеют приоритет при обсуждении факторов повышения рождаемости, — но более важной задачей для государствам в этом контексте является формирование уверенности в завтрашнем дне: *«Я своей племяннице говорю — не вздумайте рожать второго ребенка, и у своих сыновей я бы не хотела, чтобы было много детей. Нужна стабильность, вот тогда можно рожать детей»*.

Отметим, что речь идет вовсе не о пропагандистских мерах по формированию такой уверенности. В чем все наши собеседницы были практически единодушны — в ненужности широкомасштабной кампании в поддержку рождаемости, пока ситуация в стране, а соответственно в семьях весьма нестабильна. Пропагандировать, скорее, необходимо ответственное родительство, а также распространять достоверную информацию о положении семей, их правах, возможности получения поддержки: *«В настоящий момент, зная положение малоимущих семей,— кощунство какое-то об этом говорить. Я считаю, что сейчас это вроде как издеваться над нами»*; *«Призывать многодетные семьи еще рожать детей? Для этого сначала условия создать, а у нас ничего не делают»*; *«Разводятся, детей бросают, они потом по России скитаются»*.

Матери, имеющие троих детей, одобрительно высказывались в адрес многодетных семей. Семьи, представляющие негативный пример, как правило, не вступают в общение в клубах встреч многодетных родителей, организованных при Центрах социального обслуживания населения. Каждая многодетная мама характеризует свою семью как благополучную, единственная проблема которой — недостаток средств. В интервью с женщинами, имеющими одного или двоих

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

детей, высказывается негативное отношение, аргументированное тем, что в многодетных семьях рожают детей для того, чтобы получить побольше льгот от государства, там дети являются продуктом распущенности и алкоголизма, их развитие не обеспечено заботой и соответствующими условиями.

Согласно нашим информантам, основной ресурс поддержки для них — это семья. Помимо родственников и ближайшего окружения помощь и поддержка семьям оказывается различными специалистами. Наиболее часто женщины сталкиваются с сотрудниками женских консультаций, больниц и поликлиник, учреждений образования: дошкольного, школьного, дополнительного, центров социального обслуживания населения, службы занятости. Наиболее солидарны женщины были в оценке работы женских консультаций и родильных домов, сотрудники которых оценивались как квалифицированные, доброжелательные специалисты: *«Мне кажется, там всегда только рады. Чувствуешь себя такой хорошей, желанной. Они всегда говорят— давай, давай, молодец! Прекрасное отношение! Они вот говорят "как приятно, когда люди рожают! Куча народу приходит и все на аборт, говорят— не хотим больше детей— и все!" А тут— пожалуйста — третьего]»; «Не переставали удивляться, когда третьего. Говорили, вот люди сейчас все один, два, а некоторые и второго уже не хотят. Хорошо, что вы еще есть!»*. Негативные оценки связаны с материальным оснащением консультаций и роддомов: *«у них нет ничего. Бедность страшная! Какое обслуживание? Ну, врач нормальный, да и все. Вот раньше, как было прекрасно! И витамины дадут и, если надо, лекарства и все такое. Сейчас, например, все с собой носи — и пеленки, и клеенки... Специалисты были хорошие, а сейчас все в Саратов уехали— правильно, что им здесь делать?»*. Сравнительно большей критике подверглась система общего здравоохранения, здесь отмечается и стоимость медицинского обслуживания, и отсутствие специалистов, и ухудшение отношения со стороны врачей.

Деятельность социальных служб оценивается высоко всеми информантами; зная об уровне зарплат в Центрах социального обслуживания и соотнося это с трудовой нагрузкой сотрудников Центров, женщины приписывают социальным работникам такие качества, как самоотверженность, героизм. Отметим, что такая помощь не расценивается опрошенными как поддержка государственная. Услуги этих организаций персонифицируются: помощь одобряется, потому что ее оказывают хорошие люди. Критерием качества работы социальной службы становится сострадание, готовность помочь, старательность сотрудников: *«Помощь от соцзащиты была хорошая, так старались нам помочь, отзывчивые такие люди!..»; «Я думаю, работа там, ну, как вам сказать? От них мало, что зависит. Работают они... так, как положено, стараются, но дело в том, что это не город, это село, ...рабочих мест у нас нет, катастрофически не хватает, все что можно откуда-то найти, выжать, они все собирают. Они постоянно ищут, они держат на контроле все предприятия, они сразу информируют, если появляется где-то, что-то, какое-то рабочее место»; «Ой, молодцы они, денег мне нашли, адресное пособие. Это уже большая помощь»*.

Среди видов помощи, которую получали наши информанты, следует отметить распределение одежды, продуктов питания, работу бесплатной парикмахерской, путевки детям в оздоровительные учреждения, патронаж на дому, помощь в получении пособий, организацию летних площадок для детей, детского досуга, бесплатное питание на площадке, бесплатное распределение учебников, контакты с другими семьями и Центрами социального обслуживания по России,

подарки детям к праздникам, содействие временному трудоустройству подростков. Предоставление информации о правах различных семей, защита интересов клиентов либо не осуществляется сотрудниками центров, либо клиенты не ставят такой задачи перед учреждением. В интервью возникал и мотив стигматизации социального обеспечения, характерный для либеральной системы социальной политики: матери двоих и более детей отметили, что в Центр социального обслуживания они не обращаются, потому что стыдно просить помощь.

В большей степени с государственной поддержкой ассоциируется не столько деятельность государственных учреждений социальной защиты, образования, здравоохранения, сколько проблемы пособий, льгот, субсидий. Именно эта сторона государственной поддержки подвергается наибольшему сарказму: *«Это же вообще смешно»; «Нет, нет! Смех один. Впечатление какой-то подачки. Если спросить — помощь ли это от государства — да нет, никакая это не помощь. Рождаемость повысить этой подачкой? Нет, невозможно».*

Система дополнительного образования — работа кружков, секций, клубов получила высокую оценку у всех респондентов — это сфера доступна во всех местах, наличие платных кружков и секций компенсируется разветвленной сетью бесплатных учреждений дополнительного образования, услугами которых пользуются дети всех респондентов. Однако на фоне низкого достатка и проблем со здоровьем дополнительное образование не является приоритетным. Вместе с тем в ходе беседы у нескольких женщин произошла переоценка отношения к деятельности этих учреждений в связи с проблемой досуга детей и подростков, которые, не зная как использовать свободное время, начинают употреблять алкоголь, наркотики, совершать противоправные действия. Обсуждая эту проблему, женщины оценили наличие бесплатных спортивных и досуговых организаций как важный ресурс улучшения социальной ситуации в городе.

Отношение к работе службы занятости двойственное. С одной стороны, женщины сетуют, что сотрудники службы занятости не могут предложить им или членам их семей достойной работы, с другой стороны, они понимают, что не служба занятости создает рабочие места в том месте, где они проживают. С этой точки зрения основной деятельностью государства, которая в немалой степени улучшит демографическую ситуацию, является политика занятости, создание рабочих мест: *«Естественно, я была бы рада, если бы появилось рабочее место для моего мужа. Если вот это назвать помощью, пусть будет так»; «В центр занятости обращались, но что они могут? Работу по специальности не подобрали».*

Среди наиболее серьезных проблем жительницами области отмечаются трудности устройства ребенка в детский сад, включая коррупцию: *«Это невозможно — устроить ребенка в детский садик и не дать меньше тысячи. Я вот на днях устраивала ребенка — там три тысячи»;* отсутствие для большинства родителей льгот по оплате детского сада, необходимость софинансирования услуг дошкольного воспитания со стороны родителей, низкое качество работы воспитателей: *«У нас, вот, как-то я не знаю, в садике с воспитателями как-то не получается, приходим мы с синяками из садика. Не знаю, что они там делают, особо не занимаются с детьми».*

Практически все матери с разной степенью энтузиазма высказали мнение, что государство должно поддерживать семьи, а особенно многодетные семьи.

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

В первую очередь речь идет о необходимости материальной помощи — подавляющему большинству семей не хватает средств иногда даже для выживания. Однако хотя и встречается мнение, что государство должно оказывать поддержку прямыми выплатами, все-таки наиболее приемлемой формой получения денег для информантов является заработная плата — это вторая по частоте встречаемости мера социальной поддержки. Именно она оценивается как наиболее удобная, поскольку позволяет избежать чувства неполноценности и иждивенчества, при этом создание рабочих мест приостановит отъезд отцов из семей на заработки, что в настоящий момент грозит семьям распадом, травмирует детей. Следующая по значимости поддержка со стороны государства должна проявляться в предоставлении жилищных условий молодым семьям. Предпочтительные формы получения жилья варьируются от предоставления квартиры до введения системы кредитования молодых семей. Ситуацию с жильем в своих районах оценивают как безнадежную — государственного строительства и строительства вообще в районных центрах не ведется.

Состояние крайней бедности, в которой находится большинство населения одного муниципального образования Саратовской области, ставит во главу угла для администратора социальной службы решение экономических проблем, на фоне которых меркнут все другие меры: *«Да я не знаю, какие меры я могу предложить жене, чтобы их сагитировать, чтобы они рожали,— кроме денег. Потому что его [ребенка] ведь не только надо родить, его надо одеть, а самое главное, воспитать, и самое главное, надо дать ему образование, и потом его еще трудоустроить, т. е. видя судьбу, опережая просто вперед, если ты здравомыслящий человек, ты, конечно, эти факторы будешь вместе в кучу собирать и думать, планировать тебе рождение второго ребенка или нет. Если государство сегодня выражает такую озабоченность, что у нас демографическая ситуация очень сложная, хочет детей, то пусть оно позаботится. Пусть роль отца исполнит, кормильца»*. Между тем финансирования, выделяемого на реализацию региональных социальных программ, хватает лишь на низкобюджетные мероприятия, как организация праздников, семинаров, конференций, подарков, что, естественно, по мнению экспертов, повлиять на улучшение демографической ситуации не может.

И все же, как полагают несколько администраторов социальной сферы, экономический фактор — не самый главный в демографическом аспекте: *«Западная Европа, которая экономически благополучна, имеет сходные проблемы, высокие доходы не приводят к росту населения»; «одна из главных ошибок — мнение, что повысить рождаемость,— и все проблемы будут решены»*. Рост экономического благосостояния приведет к временным улучшениям, после чего уровень рождаемости вернется к тому уровню, который *«мы имеем сейчас. Повышение рождаемости — не совсем правильный путь решения демографической ситуации. У нас такая демографическая ситуация не потому, что низкая рождаемость, а из-за того, что продолжительность жизни очень низкая. Задача всего социального блока должна заключаться в том, чтобы уровень жизни и продолжительность жизни увеличивать»*. Улучшение системы здравоохранения и снижение уровня смертности от неестественных причин позволит сохранить трудоспособное население на ближайший период, в течение которого государство сможет подвести экономическую основу для повышения уровня рождаемости.

Главенствующую роль в воспитании детей эксперты отводят матери, считая женщин более ответственными; мужчина должен быть кормильцем, взять на

Н.И. Ловцова, Е.Р. Ярская-Смирнова

себя основную функцию по обеспечению материального благополучия, а женщина, несмотря на необходимость работы вне дома, должна все время находиться рядом с ребенком, что является залогом его успешного воспитания, именно такая семья называется идеальной. Хотя, по мнению экспертов, такой идеал для современной России является статистической редкостью. Все эксперты отмечают в качестве тенденции последних лет семью, где женщина одна воспитывает ребенка.

Говоря о многодетных семьях, эксперты склонны относить данную категорию к группе риска, общая характеристика многодетных семей скорее неодобрительная: *«Да все они живут за чертой бедности, так будем говорить. Это потому, что многодетные семьи, как правило, я вам говорю, семьи из группы риска, это они рожают нам детей. А там, если мама и папа пьют вместе, то какое там будет материальное положение?..»*. Вместе с тем в порядке исключения называются и позитивные примеры многодетных семей. Среди таких примеров оказались и верующие родители. И хотя в таких семьях заботятся о детях, ни один из экспертов не назвал религию ресурсом, на который следовало бы опираться государству, усиление религиозности может *«завтра обратиться в антиресурс»*, поскольку *«действия родителей должны быть осознаны. Это может быть опасно. Построение такой идеологии не поможет демографии»*.

Современные многодетные семьи, с точки зрения экспертов, более ответственны, возможно, этим вызвано сокращение их числа: *«период перестройки научил задумываться, научил думать о детях»*. Среди причин сокращения многодетных семей указывается не только достижение старшими детьми возраста 18 лет, но также и частые случаи лишения родительских прав среди многодетных матерей. Поэтому эксперты настаивали на перестановке акцентов: вместо повышения рождаемости приоритетом должна стать поддержка многодетной семьи. Вместе с тем представление о семье у многих экспертов ограничено определенной структурой домохозяйства: *«Семья— это когда есть отец, мать и есть какое-то количество детей. А когда мы говорим о маме, рождающей детей,— это неполная семья. Многодетная, но неполная семья. В нормальной семье будут нормальные дети. Потому что семейные традиции, устои семьи, и потом здоровый образ жизни родителей— это, конечно, самое главное»*. В итоге информант делает вывод о том, что основные меры социальной политики должны быть направлены именно на «правильный» тип семьи, который, впрочем, согласно статистике, не слишком распространен. С точки зрения эксперта, «неполные» и иные «неблагополучные» семьи отвлекают внимание властей, а следовательно и средства, от поддержки благополучной семьи. Подобная точка зрения разделяется почти всеми экспертами, кроме одного, который утверждает, что неполная семья — это семья: *«Не может быть другого определения. Не важно, какова причина неполноты. В семейной политике такие семьи должны учитываться, тем более, что их все больше»*.

Демографическая ситуация в стране, по оценкам всех экспертов, чрезвычайно сложна, на ее решение, безусловно, государство должно направить максимум усилий. Однако поскольку эта проблема сложна и многогранна, решение только одного ее аспекта из множества составляющих демографической политики не только не приведет к желательному результату — увеличению численности населения России, но может вызвать негативные последствия. Прежде всего, по

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

мнению экспертов, в настоящий момент необходимо направить максимум внимания на укрепление роли семьи, усиление позиции женщины, повышение ответственности родителей, особенно формирование ответственного отцовства. Кроме того, следует направить усилия на совершенствование принципов адресности, разработку четких социальных стандартов, критериев оценки потребностей населения и оценки мер социальной политики и деятельности социальных служб. Среди других мер эксперты остановились на следующих: изменение принципа финансирования социальной сферы, увеличение расходов на социальные нужды государства; усиление кадрового потенциала работников социальной сферы как количественно, так и качественно, через образование сотрудников; формирование последовательных мер социальной политики, формирование доверия населения к мерам социальной политики; ориентация на улучшение экономических условий жизни населения, жилищная политика, политика в сфере занятости; усиление межведомственного взаимодействия; создание единого центра, координирующего усилия различных ведомств и организаций, для организации более эффективной работы с семьями; реформа управления социальной сферой и здравоохранением; смещение фокусов социальной политики в направлении профилактических программ, изменение акцента социальной политики с заботы о пенсионерах на заботу о молодых, усиление заботы о многодетных семьях, увеличение заботы об одаренных детях, *совершенствование* законодательства, особенно законодательства в отношении многодетных семей, поскольку именно законы регулируют деятельность различных агентов социальной политики, отношения семьи и государства, личности и государства.

Именно законодательство России в отношении поддержки многодетных семей вызвало наибольшую критику со стороны экспертов. Создавать концепцию демографической политики и развивать меры, направленные на повышение рождаемости без четкого законодательства, представляется экспертам преждевременным. Такое положение дел в некоторых случаях комментируется как государственное лукавство, когда государство в общем-то и не ориентировано на повышение рождаемости и не собирается поддерживать многодетные семьи. Тем самым государство *«совершает подкол»* под самое себя, поскольку очередное расхождение высказываний, обещаний и практики может стимулировать даже *«акции социального неповиновения»*, *«похоже, что государство в детях и не нуждается»*. Таким образом, наши эксперты приходят к выводу, что проблема повышения рождаемости, решения демографической ситуации хоть и остра, но ее актуальность теряется на фоне таких проблем *«как, например, война в Чечне. Поэтому приоритеты смещены. Вот острая проблема— решаем ее сейчас, остальное потом. Дети сейчас не приоритетны. Как в ситуации с отоплением— наступили морозы — будем трубы чинить. По-видимому, государство в целом считает, что есть еще время поправить ситуацию»*.

Кроме того, эксперты единодушно считают, что государство в настоящий момент не готово к результатам повышения рождаемости: *«Если бы оно было готово, я опять возвращаюсь к этим несчастным 70 рублям, то оно хотя бы до 250 или 300 повысило бы пособия. Государство не готово. И очень долго будет к этому не готово. Потому что, к сожалению, не развивается у нас государство экономически и жить за счет долларов инвестиционных мы долго, конечно, не сможем», «оно может быть и готово, с высоких трибун-то как говорят, что у нас столько денег*

Н.И. Ловцова, Е.Р. Ярская-Смирнова

экономлено в бюджете. На самом-то деле государство обманывается». Хотя тут же высказывается необходимость работы, поддержки веры в возможность наладить стабильность в обществе: «И я так думаю, в принципе у нас пессимизма быть не должно. Почему? Потому что переходный период— это сложный период, но тем не менее некоторые регионы уже находят какой-то там стимул».

Специалисты Центров социального обслуживания населения районов области понимают, что их возможности ограничены во многом из-за недостатка знаний и умений: *«Да я понимаю... Что я поделать могу? Я вот по-бабьи с ними поговорю, но ведь это не то! Почувствовать где бы... Не хватает знаний, не хватает...»*, они считают, что ситуация в будущем улучшится: *«Ну, будет эта помощь развиваться. Это ж только начало. Опыта накопим, научимся, помогать будем лучше»*. А на данном этапе основной ресурс возрождения семьи видится в самой семье: *«Во-первых, окружающая семья, мне кажется, это самая большая поддержка, самая нужная поддержка. Ну, и мы, социальная служба, тоже стараемся каким-то образом. Если их ближайшие родственники их поддерживают и понимают, это самое лучшее для семьи. Как правило, в таких семьях это обычно и происходит. Они только за счет этого и выживают, за счет того, что они друг друга поддерживают»*.

Размышляя о том, что возможно сделать для повышения уровня рождаемости, единственный путь специалисты видят в уговаривании людей: *«Работают у нас и врачи, и наше отделение работает с разъяснением, что надо нацию-то повышать. Как разъясняют? Очень просто, вот если мы знаем, что семья благополучная и может они еще иметь ребенка одного знаем, что у них один есть и могут иметь уговариваем ходим Ну, встречаемся здесь, в детском саду, например, встречаемся, разговор ведем об этом. Как ведем разговор: "Почему большие не рождают, почему у вас один ребенок? Вы в состоянии иметь еще одного ребенка". Кто соглашается, з кто категорически отказывается. Это были, были у нас такие разговоры с молодыми девушками, которых мы знаем. Целенаправленно разговариваем, знаем семьи хорошие, благополучные и в состоянии иметь еще одного ребенка, но некоторые соглашаются, а некоторые категорически отказываются, потому что, говорят, что надо хоть одного [содержать] в должном уровне»*.

В целом обозначить, какие конкретные меры могут привести к росту рождаемости, наши информанты озвучить не смогли, поскольку: *«От нас это не зависит, это зависит от матерей, от их, как это сказать, от того, что они будут, ну как, от их благосостояния зависит, рождаемость»*; *«От здоровья нации зависит это тоже»*. Информационные кампании могут повлиять на «сознательность» людей в плане необходимости повышения числа рождений на одну семью: *«Чтобы повысить уровень рождаемости, я думаю, должно быть что-то информационное, какая-то разработанная программа, надо позитивную установку давать обществу, чтобы стимулировать к созданию семей, рождению детей, а... ну, конечно же материально, придумать какие-то льготные системы, чтобы всесторонне простимулировать»*. Вместе с тем в настоящий момент *«приостанавливать надо эту рождаемость, что ли. Если хорошие семьи, они справятся, ну, обратятся за поддержкой, а есть семьи, что и одного не смогут воспитать, не смогут его содержать»*. Развитие социальных служб может заменить страдающим детям семью: *«Мы должны помогать. Потому что... родителям наплевать на все. Дети хотят выжить, и мы им должны конкретно в этом помочь. А чтобы им конкретно помочь, опять оке база*

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

материальная, нужны условия, где принять этих детей. Надо, чтобы это была согласованная политика всех структур и органов». С одной стороны, представляя ту же социальную страту, что и их клиенты, сотрудники социальных служб видят причины проблем в особенностях деятельности государства и его агентов. Вместе с тем зная специфику района, сталкиваясь с конкретными проблемами семей, специалисты пока что довольствуются ресурсами своей маленькой пропагандистской кампании, гораздо более скудными, чем те, что были в распоряжении у французской медицинской полиции XVIII в.

Выводы

В этой статье мы отталкивались от двух теоретических предпосылок. Первая из них состоит в том, что демографическая политика представляет собой не только целенаправленную стратегию государства, но и сеть отношений между политическими акторами по поводу демографических проблем, акторами, нередко представляющими разные группы интересов. Вторая предпосылка базируется на перспективе социального конструктивизма, в соответствии с которым демографическая ситуация не воспринимается как существующая объективно социальная проблема, а подвергается анализу в аспектах того, является ли это предметом беспокойства и обсуждения со стороны общественности, кто, каким образом и насколько успешно конструирует данную социальную проблему, делая ее предметом общественного внимания, как общественность и политики реагируют на утверждения о необходимости изменения ситуации, в том числе какие предлагаются пути решения, а также изменяются ли практики репродуктивного поведения в ответ на выдвигаемые утверждения о значимости и актуальности демографической проблемы.

В течение двух столетий в мире развивался новый способ мышления о ресурсах народонаселения и их важности для национального управления. Если раньше репродукция считалась естественным явлением и управление ею считалось чем-то невозможным, то с ростом демографии, статистики, социологии и других социальных наук воспроизводство населения стало предметом рационального изучения и научного менеджмента. В частности, советская пронаталистская политика 1930-х годов была частью этой тенденции в направлении государственного и экспертного управления репродукцией. Советское правительство, впрочем, как и правительства во всей Европе, стремилось увеличить население своих стран и для этого подчинить индивидуальные репродуктивные права национальным демографическим задачам. Обслуживание государственных целей прокреации и стабильности, социального воспроизводства в целом долгое время происходило посредством пропаганды, авторитарных методов вмешательства в частную жизнь и регулирования сексуального поведения, поощрения брака и материнства, установления норм морали и социальной организации. При этом правительства стремились укреплять семью не как автономную единицу, а лишь в качестве инструмента для удовлетворения государственной заинтересованности в росте населения и социальной дисциплине. В то же время, советская семейная политика, будучи во многом параллельной многим европейским странам, отличалась особым гендерным контрактом, в соответствии с которым

мобилизация женщин предполагала выполнение ими двойной нагрузки в производстве и репродукции.

Во многих западных обществах господствует убеждение в том, что попытка повысить рождаемость означает вмешательство правительства в личную жизнь граждан. В семьях, где приняты высокие стандарты ответственности за рождение и воспитание ребенка, где сформированы культура контрацепции и эгалитарные отношения, потребности и ожидания в отношении собственной самореализации в разных сферах жизни, как и представления о последующих поколениях, — оказываются несовместимыми с теми требованиями, которые предъявляются к образованию и будущему жизненному устройству большого числа детей. Определение желаемого типа семьи или индивидуальных жизненных стилей осуществляется далеко не только правительством, хотя власти должны прилагать больше усилий, чтобы создать условия, позволяющие сформировать установки на многодетность. Эти усилия, конечно, не могут ограничиваться лишь агитацией и пропагандой наподобие программ «Ребенок — фронту!» в нацистской Германии или убеждения молодых семей заводить побольше детей, как ее наивно понимают в качестве государственной задачи некоторые отечественные социальные работники. Тенденции к снижению рождаемости на Западе после 1965 г. отчасти были следствием массового движения, приветствующего ценность небольших семей и уменьшение народонаселения. Возможно, если в ближайшем будущем сформируется такое же популярное движение за высокую рождаемость и снижение темпов сокращения народонаселения, то в случае их поддержки сильными правительственными программами это может привести к реальным результатам.

Сегодня никого уже не надо убеждать в том, что демографическая политика не может быть отделена от социальной политики в целом. Ее следует привязывать к тем же целям и по этим причинам, это часто компромисс, который может снизить ее эффективность с демографической точки зрения. Таким образом, снижение объемов средств и эффективности социальной политики скорее повлечет и снижение уровня рождаемости. Давление изменяющейся возрастной структуры на финансовые основы схем социальной защиты воспринимается во многих странах мира как проблема, укоренная в спаде рождаемости, в связи с чем правительства начинают искать выход в изменении демографических трендов, вместо того чтобы пересмотреть схемы социального обеспечения. Страны с уровнем рождаемости, не превышающим простое воспроизводство, должны будут модифицировать целый ряд социальных институтов, чтобы удовлетворить потребности совершенно новой возрастной структуры. Возможно, снизится потребность в образовательных учреждениях, но наибольшее испытание достанется пенсионной системе, системе социальной защиты пожилых людей, здравоохранению или страховой медицине.

В целом общая оценка государственной поддержки многодетности жителями провинции невысока, несмотря на то что все прибегают к помощи государства в той или иной форме, качество жизни большинства матерей не изменяется, что заставляет их усомниться в способности и желании государства поддерживать семьи. Даже принимая в расчет аргументы либерального толка о низкой рождаемости в регионах с высоким уровнем жизни, работники социальной сферы настаивают на важности экономической и социальной стабильности,

Демографическая проблема: кто виноват и что делать?

безопасности, повышении достатка, расширении возможностей занятости, доступности качественного обслуживания в области здравоохранения, образования и социальной защиты — как условиях формирования доверия граждан к государству, уверенности в будущем. Эти условия можно назвать необходимыми для формирования такой культуры среди населения, которая благоприятствовала бы установкам на рождение двух и более детей. Что же касается достаточных условий — то здесь, безусловно, нужна соответствующая идеология, которая ставит во главу угла человеческое достоинство, возможность выбора и действительно уважительное отношение к репродуктивному труду, подкрепляемое реальными мерами политики.

Литература

- Баишачев В.А.* О необходимости смены концепции демографической политики // Интернет-журнал «Золотой лев». 2004. № 35. http://semya.org.m/demography/bashlachev/conception_change.html
- Бок Г.* Нацистская гендерная политика и женская история // Гендерные исследования. 2004. № 12.
- Вишневский А.Г.* Демография сталинской эпохи // Население и общество. 2003. № 70. Март-Апрель 2003.
- Выступление диакона Михаила Першина*, преподавателя РГМУ в газете «Саратовские вести» от 28.02.2005, выпуск подготовлен при содействии Министерства по общественным отношениям Саратовской области.
- Выступление представителя Саратовской епархии* в передаче «Вечерний звон», ГТРК «Саратов», 20.02.2005.
- Графова Л.* Как переселенцы пытались спасти Россию от демографической катастрофы // Отечественные записки. 2004. № 4 (19).
- Гребешева И. И.* Планирование семьи в условиях низкой рождаемости // Народонаселение. 2004. № 3 (25).
- Гундаров И.А.* Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // Общественные науки и современность. 2001. № 5.
- де Грация В.* Как Муссолини управлял женщинами // Гендерные исследования. 2004. № 12.
- Демография: почему идет убыль населения? Интервью с А. Г. Вишневским. Радио «Маяк» 2003/14/09 www.radiomayak.ru
- Дмитриев А.В.* Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социологические исследования. 2004. № 10.
- Журженко Т.* Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков: Фолио, 2001.
- Зайончковская Ж.* Миграция вышла из тени // Отечественные записки. 2004. № 4.
- Зайончковская Ж.* Миграция: нежеланное спасение // Московские новости. 25.06.2002.
- Клулт М.* Формирование демографической политики в современной России: социологический анализ // Социологические исследования. 2003. № 12.
- Колесов В.И., Кочергин А.А.* Дискурс этничности в краснодарской прессе (результаты пилотажного исследования) // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. 2003. № 4.
- Кон И. С.* Не говорите потом, что вы этого не знали (подростки и сексуальная контрреволюция) // Известия. 30.12.1997; Планирование семьи. 1998. № 2.
- Кон И.С.* Сексуальная культура XXI века // Сексология. Персональный сайт И.С. Кона <http://sexology.narod.ru/publ030.html>

Н.Н. Ловцова, Е.Р. Ярская-Смирнова

- Круглый стол «Помощь детям-сиротам в России» в Горбачев-фонде, 30 января 2004 г. http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=400
- Кулаков В.И., Фролова О.Р.* Репродуктивное здоровье в РФ // Народонаселение. 2004. № 3 (25).
- Мерненко И.* Конструкция понятия аборта: дискуссия от разрешения к запрету (СССР, 1920—1936 годы) // Гендерные исследования. 1999. № 3.
- Население России 1999.* Седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Книжный дом «Университет», 2000.
- Римашевская Н.М.* Качество человеческого потенциала России как стратегическая цель // Народонаселение. 2004. № 3 (25).
- Романович Н.А.* Население Воронежа о причинах и путях преодоления демографического кризиса // Социологические исследования. 2004. № 10.
- Руткевич М.Н.* Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России // Социологические исследования. 2005. № 7.
- Рыбаковский Л.Л.* Демографическая безопасность: геополитические аспекты // Народонаселение. 2004. № 1 (23).
- Рыбаковский Л.Л., Захарова О.Д., Тарасова Н.В., Гришанова А.Г.* Демографическое будущее России. Саранск: ИСИ РАН, 2000.
- Семашко Н.А.* Замечательный закон (о запрещении аборта) // Фронт науки и техники. 1936. № 7.
- Солодников В.В.* Социально дезадаптированная семья в контексте общественного мнения // Социологические исследования. 2004. № 6.
- Социальная педагогика / Под ред. В.А. Никитина. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002.
- Черняева Н.* Производство матерей в Советской России. Учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации // Гендерные исследования. 2004. № 12.
- Юрьев В.* Разорвать порочный круг, или из больного семени не вырастет здоровое дерево // Медицинский вестник: избранные статьи. 2001. № 20. <http://medi.ru/doc/731202.htm>
- Ясавеев И. Г.* Конструкционистский подход к социальным проблемам // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 4.
- Avdeev A., Blum A., Tmitskaya I.* The History of Abortion Statistics in Russia and the USSR from 1900 to 1991 // Population Studies. Vol. 7. 1995.
- Caldwell J. C., Caldwell P., McDonald P.* Policy Responses to Low Fertility and Its Consequences: a Global Survey // Journal of Population Research. May, 2002. http://www.findarticles.com/p/articles/mi_m0PCG/is_1_19/ai_105657362
- Foucault M.* The History of Sexuality. Vol. 1. An Introduction. N.Y.: Penguin Books, 1990.
- Foucault M.* The Politics of Health in the Eighteenth Century // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972—1977 by Michel Foucault / Ed. by C Gordon. N.Y.: Pantheon Books, 1980.
- Hoffmann D.L.* Mothers in The Motherland: Stalinist Pronatalism In Its Pan-European Context // Journal of Social History. 2000. Fall.
- Ramsden E.* Carving up Population Science: Eugenics, Demography and the Controversy over the "Biological Law" of Population Growth // Social Studies of Science (Sage); Oct-Dec. 2002. Vol. 32. Issue 5/6.
- Solomon P. H. Jr.* Soviet Criminal Justice Under Stalin. New York: Cambridge University Press, 1996.